

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Этнография в странах социализма. Очерки развития науки. М., 1975, 342 стр.

Активное творческое сотрудничество этнографов социалистических стран становится год от года все более тесным. Гуманистическая платформа и стремление использовать этнографический материал для прогрессивного современного развития своих народов, общность методологического подхода к материалу — все это создает реальные предпосылки для дружной совместной работы. И такая работа уже ведется. В ряде случаев она имеет и давние, восходящие подчас даже к XIX в. традиции (речь более всего идет о связях этнографии некоторых зарубежных славянских стран Европы с русской этнографией, а также о традициях русских исследований в Монголии).

Все это сделало необходимым создание обобщающего труда, дающего как бы панораму развития и современного состояния этнографии во всех социалистических странах, тесно сотрудничающих в этой научной области. Сейчас уже недостаточно статей, характеризующих состояние этнографии в отдельных социалистических странах (такие статьи не раз появлялись, например, в журнале «Советская этнография»); нужен более обстоятельный труд, дающий систематизированную картину развития этнографической науки в странах социализма.

Таким трудом и стала рецензируемая книга (ответственный редактор — Ю. В. Бромлей, члены редакционной коллегии — С. И. Брук, И. Р. Григулевич, Н. Н. Чебоксаров, ответственный секретарь — Э. А. Рикман). Она показывает развитие этнографии почти во всех социалистических странах Европы, Азии и Америки. По замыслу редакционной коллегии этнография каждой из стран показана через характеристику научных учреждений, ведущих здесь этнографические исследования — институтов, музеев, кафедр. Имелось в виду рассмотреть сдвиги в методологии и методике исследований за годы народной власти, изложить основные бытующие среди этнографов этих стран теоретические концепции (в их связи с традициями «своих» и иностранных научных школ) и, наконец, информировать о важнейших этнографических исследованиях, осуществленных учеными этих стран или проводимых ими в настоящее время. Самый этот замысел надо признать очень удачным: в своей комплексности он обеспечивает высокую предметность, информационную емкость, разноплановость и историчность характеристик; переходя от страны к стране, читатель видит и своеобразие развития в них этнографии, и общность современных принципиальных теоретических позиций. Скажем сразу же, что он в общем успешно осуществлен.

Книга содержит 15 статей, характеризующих развитие этнографии (преимущественно в послевоенный период) в следующих двенадцати социалистических странах: СССР (Ю. В. Бромлей и К. В. Чистов), НРБ (Л. В. Маркова), ВНР (две статьи — М. Иштвановича и Л. Коша), ГДР (Г. Штробах, Р. Вейнхольд, Б. Вейссель и И. Зельнов), ДРВ (две статьи — А. Н. Дементьевой-Лескинен и Нгуен Куок Лока), КНДР (Р. Ш. Джарылгасинова), МНР (две статьи — Х. Ц. Ральдина, Г. Г. Стратановича и Н. Л. Жуковской), ПНР (А. Кутшеба-Пойнарова), Республике Куба (Э. Г. Александренков), СРР (И. Влэдудцу), ЧССР (А. Пранда) и СФРЮ (Ю. В. Бромлей, М. С. Кашуба).

Фамилии авторов, которые я только что назвал, сами свидетельствуют о тесной связи этнографов социалистических стран. Большинство статей охватывает все стороны развития этнографии в той или иной стране; лишь в отдельных случаях очерки тематически сужены до отдельной проблемы.

Чтобы покончить с характеристикой внешних черт книги, отмечу, что все статьи богато оснащены библиографией. Практически научному аппарату отведено не менее одной трети объема книги. Это хорошо отвечает поставленной задаче.

Этнографию большинства стран, представленных в книге, как бы объединяет не только общность целей, которые по мере успехов социалистического строительства в этих странах все более четко вставали перед этнографами, но и ряд других черт.

Следует помнить, что народы многих из этих стран были еще сравнительно недавно лишены своего независимого государственного бытия, что не могло не сказаться на развитии в них этнографической науки. Существовала, в частности, тенденция, проявлявшаяся в повышенном интересе к чертам этнического своеобразия, особом внимании к этим чертам, часто мелким и лишь внешним. Другая тенденция, также вытекавшая из стремления к самоутверждению, это повышенное внимание к проблемам этногенеза.

Общим для этнографии рассмотренных в книге социалистических стран Европы, Азии и Америки стало то, что наука об этносах, не пользовавшаяся до победы народной власти широкой государственной поддержкой (но потенциально очень важная для национального самосознания), уподобляется в условиях социалистического строительства ранее сжатой, а сейчас распрямляющейся пружине: она стремительно «растет количественно», успешно усваивает марксистско-ленинские принципы, в преимуществах которых наглядно убеждается, активно поворачивается лицом к практике общественной жизни. Этнография зарубежных социалистических стран широко опирается на опыт советской этнографии; велика и роль взаимообмена научными идеями связывающихся совместных исследований.

В книге нет обобщающей статьи, в которой были бы показаны как общие черты, так и различия — от страны к стране — в путях реализации этих черт. А различия, несомненно, имеются, и подчас они значительны; разным оказывается «научное наследство», полученное от досоциалистического периода, в разной степени преодолена инерция досоциалистических исследований, разными аспектами обернулся поворот к практике строительства новой культуры — да и сама эта практика ставит разные задачи в связи со спецификой этнических ситуаций в отдельных социалистических странах. Отсутствие такой сравнительной обобщающей статьи ощущается как пробел в книге.

Впрочем, рецензент сознает, что написать такую статью было бы далеко не просто. Даже если бы все статьи по отдельным странам, представленным в книге, были составлены строго по одному плану (а на деле, как увидим дальше, это совсем не так), сопоставление состояния этнографических исследований в разных странах, создание общей картины, в которой бы отражались как их сходство, так и особенности представило бы немалые трудности (хотя бы в силу только что отмеченных различий в исходных предпосылках развития этнографической науки). Возможно, что лишь имея уже такую, как рецензируемая, книгу, в которой словно проинвентаризировано все существенное в этнографии отдельных стран, можно приступить к подобному сравнительному анализу. И, конечно же, такой анализ было бы трудно уместить в одной статье. Таким образом, надо, видимо, ожидать новой книги, которая продолжила бы то, что заложено в «Этнографии в странах социализма».

Так как труд этот состоит из отдельных очерков, объединенных не столько сходным планом, сколько общими замыслами и целью, очерки эти не только различаются по уровню и манере изложения, но и по кругу проблем, поставленных в центр рассмотрения; нередко это отражено и в их заглавиях. Отмечу также «разномасштабность» очерков. В одних, характеризующих скромный круг этнографических работ, есть возможность конкретно назвать практически каждую из них; в других же, освещающих состояние этнографии в тех странах, где она получила большее развитие, естественно, можно показывать лишь главные его направления, иллюстрируя изложение очень выборочно, только важнейшими работами. «Разномасштабность» усиливается тем, что по некоторым странам книга содержит не одну, а две статьи.

На отдельные очерки наложило свою печать и то, что многие авторы имеют свои более узкие интересы в рамках традиций этнографии своей страны, и, соответственно, сосредотачивают свое внимание на более близких им сюжетах; да и манера их письма отражает академические традиции данной страны.

Таким образом, книга не однородна. Я указываю на это не как на недостаток («неравномерность» характеристики состояния науки в разных странах — явление естественное и неизбежное); я бы даже сказал, что разный ключ, в котором написаны отдельные очерки, различие «голосов», которые звучат в книге, делают ее интереснее, тем более, что голоса эти принадлежат знатокам вопроса. Но рецензента это обстоятельство обязывает рассмотреть каждый очерк в отдельности.

Открывающая книгу статья «Основные направления развития советской этнографии» (стр. 7—51) мастерски обобщает огромное содержание не только советских, но частично и дореволюционных русских этнографических исследований. Ценность ее я вижу и в том, что она показывает достаточно сложный путь становления в СССР теории этнографической науки, не сразу ставшей полностью на правильные позиции. Некоторые методологические вопросы и сейчас решены лишь в общих чертах, и авторы не закрывают на это глаза. Рассмотрение главных направлений советской этнографии ясно показывает ее место в системе исторических наук; но одновременно читатели видят и тесные системные связи этнографии с другими общественными, а также естественными науками; на их пограничье в последнее время возникла целая серия особых синтетических спутников этнографии: этническая антропология, этническая география, этническая лингвистика, этноботаника и т. д. Весьма тесные узы связывают этнографию с фольклористикой. Особое внимание к изучению современных форм общественной жизни сближает этнографию с такими науками, как конкретная социология, демография, география (стр. 23).

Хорошо показано значение для развития советской этнографии ее связей с практикой социалистического строительства, роль советской этнографии как передового отряда марксистской науки в борьбе против расизма и других реакционных и члореконенавистнических социальных «теорий».

Весьма высоко оценивая данную статью, можно указать лишь на один недостаток, притом не столько ее самой, сколько иллюстрирующей ее библиографии: последняя состоит в значительном большинстве из публикаций Института этнографии АН СССР (либо статей, опубликованных в органе этого института — журнале «Советская этнография»). Ссылки на работы, выполненные в союзных республиках или периферийных научных центрах, гораздо скуднее; так, очень мало отражены труды этнографов республик Прибалтики, Грузии, Татании (нет, например, ни одной ссылки на работы видных этнографов Татании — Е. П. Бусыгина и Н. Н. Воробьева). К сожалению, не упоминаются труды Восточной комиссии Всесоюзного географического общества. Так, нет ссылок на серию «Страны и народы Востока». Недостаточно отражено и участие советских этнографов в международных конгрессах.

Хорошо выполняет свою роль очерк «Этнографическая наука в Народной Республике Болгария» (стр. 52—93). В нем достаточно сбалансирован показ как истории развития этнографии в Болгарии, так и круга проблем, решаемых после победы народной власти, по мере перестройки самой болгарской этнографии (в частности, включения ее в систему исторических наук, развертывания в стране сети музеев и т. п.). Рельефно показана роль крупнейших современных болгарских этнографов: X. Вакарельского, М. Велевой, Р. Пешевой-Поповой и др. Обращение к проблемам этногенеза и этнической истории привело к победе славистических концепций. Узковещедческий подход к материальной культуре сменяется более многосторонним анализом связей объектов исследования с явлениями общественной жизни; например, особенности одежды связываются с ее функциями, изучение одежды позволяет вскрывать общепалканские славянские исторические связи (М. Велева). Конкретно-социологическое изучение современности ведется с применением системного подхода, раскрывающего модели взаимосвязей бытовой деятельности с ее результатами (Р. Пешева-Попова); при этом определяющим фактором системы быта Р. Пешева считает материальное производство (стр. 77).

Венгерская этнография представлена двумя статьями: «Из истории изучения традиционной духовной культуры в ВНР» (стр. 94—101) и «Этнографическое изучение истории материальной культуры в ВНР в 1945—1970 гг.» (стр. 102—115). Обе статьи принадлежат перу венгерских ученых; по объему они невелики и трактуют лишь отдельные аспекты венгерской этнографии. Первая в значительной степени сведена к рассмотрению фольклористики (правда, трактуемой в ВНР расширительно). Показан поворот венгерской этнографии к марксистской интерпретации современных этнических проблем и роль в этом повороте Дьюла Ортутан.

Вторая статья разбирает историю отдельных отраслей хозяйства (скотоводство, виноградарство и возделывание других земледельческих культур, рыболовство, хлебопечение и т. п.). При этом показаны особенности отдельных частей страны (в частности, трансформация ландшафтов Альфельда в результате деградации здесь земледелия в XV в.). Рассматриваются и региональные различия в эволюции типов жилищ и поселений.

Обе статьи взаимно дополняют друг друга, но все же и вместе они освещают современное развитие венгерской этнографии не полностью. Поскольку сюжеты ограничены, к ним приложена менее обширная библиография, чем к другим статьям сборника.

Статья четырех этнографов ГДР, озаглавленная «Некоторые проблемы этнографической науки в ГДР» (стр. 116—140), рассказывает о работе Института немецкой этнографии АН ГДР и других этнографических учреждений ГДР. В ней обстоятельно показано прогрессивное влияние политики СЕПГ на развитие в ГДР общественных наук, в частности, этнографии. Для развития этнографии в ГДР характерны: преодоление остатков нацистской идеологии и ряда буржуазных этнографических концепций, поворот этнографии к изучению духовной и культурной жизни трудящихся масс и их революционных традиций, переосмысление с марксистских позиций традиционных для немецкой этнографии исследований по истории сельского хозяйства и различных промыслов, типов поселений, народных песен и музыки и т. п. Критически был перестроен теоретический багаж этнографии, относящийся к закономерностям развития первобытного общества; получив доступ к архивам германского (имперского) Министерства колоний, этнографы ГДР смогли дать интересный анализ колониальной политики и антиколониальных повстанческих движений. С большой силой статья показывает значение помощи советских ученых для послевоенного развития этнографии в ГДР (циклы лекций, прочитанные С. А. Токаревым в университетах Лейпцига и Берлина, и т. п.). Очень хорош библиографический обзор. Сожаление вызывают шероховатости перевода статьи, обороты, вроде «сделаны первые шаги в направлении повышения интенсивности к такому сотрудничеству» (стр. 133), «из области народных рассказов следует... назвать серию сборников сказок народов мира» (стр. 126).

Краткий, но содержательный обзор «Этнографическая наука в Демократической Республике Вьетнам» (стр. 141—152) констатирует, что главное место в своих исследованиях вьетнамские этнографы уделяют проблемам этногенеза и этнической истории, особенно вьетов. Этот очерк хорошо дополняет статью «Этнографические работы в

ДРВ о малых народах Вьетнама (1960—1970 гг.)» (стр. 153—166), написанная вьетнамским ученым. Рассмотрены вьет-мыонгские, тайязычные, тибето-бирманские, мон-кхмерские и другие малые народы, их миграции и ареалы современного расселения, подразделения на этнографические группы, хозяйственные уклады и семейный быт, типы поселений и т. д. Большое внимание уделено эволюции этнонимов. Хотя новейшие исследования вьетнамских ученых позволили в ряде случаев пересмотреть прежние взгляды французских этнографов, в классификации малых народов Вьетнама еще остаются неясные вопросы. Статья убедительно показывает, как изучение малых народов Вьетнама связывается с решением практических задач, заключающихся в том, чтобы направить их развитие, минуя капитализм, к социалистическому обществу.

Библиография, приложенная к обеим статьям, дает весьма полное представление о трудах вьетнамских этнографов. Как досадный огрех отмечу, что важная коллективная работа, вышедшая в Ханое в 1959 г., названа в первой статье «Малые народы Вьетнама», во второй — «Национальные меньшинства Вьетнама», что затруднит для читателя их идентификацию.

Очерк «Изучение истории материальной культуры этнографами КНДР» (стр. 167—183) дает не только достаточно полное представление о трудах этнографов КНДР в области материальной культуры, но частично и об общем положении этнографии в этой стране. Хорошо показаны традиции корейской этнографии, восходящие еще к средневековым описаниям и географическим энциклопедиям. Среди работ по современной материальной культуре большое внимание уделяется изучению жилища (особенно отмечена здесь монография Ли Чонмока, пересказ содержания которой, на мой взгляд, мог бы быть короче, так как она подробно рецензировалась в «Советской этнографии», 1965, № 1).

Очерки «Этнография в МНР» (стр. 184—198) — обстоятельный обзор, в котором хорошо сбалансировано освещение всех разветвлений этнографических исследований в МНР. То обстоятельство, что статья написана совместно монгольским и советским учеными, позволило особенно рельефно показать плодотворность многолетнего научного сотрудничества обеих стран. Характерно, что на «слой» древнемонгольских, китайских и тибетских памятников, бесценных для историко-этнографического изучения монгольского народа, как бы наложился материал русских, а позже советско-монгольских археологических экспедиций (от Н. М. Ядринцева до А. П. Окладникова); синтезом являются современные исследования широкого спектра, которые проводят монгольские этнографы, — от проблем этногенеза до частных вопросов современных этнических процессов, например, перехода к оседлости, урбанизации.

Несколько выпадает из общего плана книги короткий очерк «Изучение традиционных религиозных верований в МНР» (стр. 199—205), долженствующий дополнить предыдущий, но несколько уводящий внимание читателя в сторону от главного замысла книги. Сам по себе, однако, он достаточно интересен.

Очерк «Традиции, современное состояние и задачи этнографической науки в ПНР» (стр. 206—239) стремится дать представление о всех сторонах издавна многогранно развитой польской этнографии. Объем статьи не позволил, однако, сделать это достаточно полно. Показав, что до победы народной власти в Польше были представлены все этнографические школы, причем сильны были и марксистские веяния, автор очерка затем характеризует две задачи, поставленные государством перед этнографами после освобождения страны от фашистской оккупации: «изучение исчезающих традиций в культуре и прежде всего — художественного народного творчества...; исследование процесса культурно-бытовых изменений и формирования новой культуры» (стр. 213). Новейший этап польской этнографии связывается с развитием ее в системе учреждений Польской Академии наук. К сожалению, автор главным образом ограничился перечислением научных центров, кафедр, сменяющихся их руководителей; это утомляет читателя, дает ему обидное представление о содержании решаемых научных задач (о них удастся судить почти исключительно по отсылкам к библиографии, которая очень обширна). В тексте статьи вряд ли правомерна «руссификация» написания польских фамилий («ский»; особенно режет глаз окончание женских фамилий: «ская» вместо отчетливо звучащего по-польски «-ka»).

В очерке «Этнография в Республике Куба» (стр. 240—261) показано, что до революции 1959 г. этнографические исследования на Кубе велись лишь по некоторым проблемам отдельными выдающимися учеными (особенно замечательны труды Ф. Ортиса, главным образом о кубинских неграх, впервые названных им «афро-кубинцами»). Другая распространенная в это время тема — кубинские индейцы (изучались лишь археологически). В 1961 г. президентским декретом был образован Национальный институт этнологии и фольклора, начавший систематическое развитие этнографических исследований с проведением обширных полевых работ и истолкованием их результатов с марксистско-ленинских позиций. Антирасистские гуманистические взгляды Ф. Ортиса продолжают питать кубинскую этнографию (например, при изучении синкретических культов). Кубинские этнографы широко сотрудничают со своими коллегами из других социалистических стран, особенно СССР. Они занимают ведущие позиции в ходе изучения населения африканского происхождения соседних латино-американских стран.

Очерк «Этнография в Социалистической Республике Румынии» (стр. 262—285) принадлежит перу румынского этнографа. В статье показано, что современные за-

дачи этнографии реализуются в Румынии в значительной степени в региональных работах, чаще всего комплексно характеризующих материальную культуру и быт населения в пределах определенного «куста» поселений. Работы румынских этнографов группируются в очерке дважды: на стр. 264 и на стр. 274, причем эти группировки не совпадают; первая менее логична, вторая (построенная по территориальному принципу), более приемлема. Очерк в целом носит характер обзора-перечня; он оснащен очень обширной библиографией.

Чешскому автору принадлежит очерк «Некоторые аспекты этнографического изучения современной народной культуры в ЧССР» (стр. 286—308). Его внимание сосредоточено на вопросах изучения традиционной и урбанизированной народной культуры. Подчеркнуты разные социально-экономические предпосылки, способствующие приобщению народов Чехии и Словакии к урбанизированной культуре (в последней в социалистическое время центральной фигурой был полурабочий — полукрестьянин, который «в фабричной среде чувствовал себя скорее крестьянином, а в деревне — скорее рабочим», стр. 287). Некоторое недоумение вызывает попытка автора (стр. 299) противопоставить методику изучения городской культуры в СССР и ЧССР; он считает, что большой приток населения в советские города якобы делал центрами культурной жизни заводские клубы, в то время как в ЧССР объектом изучения становились соседские контакты.

Можно пожалеть, что содержание очерка по этнографии в стране, столь богатой традициями этнографической науки (достаточно вспомнить, что это родина Нидерле!), ограничено хотя и важным, но частным сюжетом: автор показывает сдвиги народной культуры к урбанизированной. Несколько неравномерно освещен вклад в разработку этой проблемы чешских и словацких этнографов (некоторые научные учреждения, в которых работают чешские этнографы, даже не упомянуты). Отмечу и неуклюжие обороты перевода («пределах наемных домов и микрорайонов», стр. 286; «основы профессиональных научных этнографических институтов», стр. 290).

Замыкает книгу очерк «Современная этнографическая наука в Социалистической Федеративной Республике Югославии» (стр. 309—335). Этническая пестрота этой страны, ее бурное историко-этнографическое прошлое делало задачу обобщения проводимых здесь обширных этнографических исследований очень трудной; тем не менее она успешно решена. Очерк характеризует и существующие в Югославии этнографические учреждения, издаваемые ими труды и главные направления выполняемых работ (с указанием всех ведущих ученых¹), и региональные исследования, часто связанные с конкретными задачами практики социалистического строительства. Очерк дает (вместе с обстоятельной библиографией) весьма полное представление о развитии и состоянии этнографии в Югославии. Этот очерк — один из лучших в книге.

Как бы сквозной темой, пронизывающей все очерки, является информация о работах в соответствующей стране над этнографическими атласами.

Советские читатели получили яркую и насыщенную фактами картину развития социалистической этнографии от Чукотки до Адриатики, от Эльбы до реки Красной. Я не сомневаюсь, что книга вызовет интерес и в зарубежных социалистических странах; возможно, что там потребуются ее переводы.

В. В. Покишевский

¹ Вряд ли правы авторы, заявив (стр. 317), что они отказываются от обстоятельной оценки влияний Й. Цвиича на современные работы югославских ученых — оно слишком значительно. Впрочем, практически они вынуждены все равно время от времени обращаться к его наследию; очень кстати приведена ими и выразительная оценка трудов самого Цвиича, данная С. А. Токаревым. На мой взгляд, Цвиич, несмотря на сопровождавшую его работы «антропогеографическую вывеску», стоит гораздо ближе к французской географической школе, чем к Ф. Ратцелю.

НАРОДЫ СССР

М. М. Громыко. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975, 350 стр.

Для рецензируемой книги характерна общая этнографическая направленность. Основное внимание автор концентрирует на трудовых традициях сибирского крестьянства в земледелии, скотоводстве и добывающих промыслах — охоте, рыболовстве, сборе дикорастущих «даров» леса (кедровые орехи, хмель и т. д.). Трудовые и бытовые традиции прослеживаются М. М. Громыко преимущественно в среде крестьян-